

Владимире Владимировичу
Ивановичу

Николай Котрелёв¹

Шогу

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЮРГИСА
БАЛТРУШАЙТИСА С ВЯЧ. ИВАНОВЫМ И
ОДОАРДО КАМПА. – МАНИФЕСТ
МОСКОВСКОГО „LO STUDIO ITALIANO“,
СОСТАВЛЕННЫЙ ЮРГИСОМ
БАЛТРУШАЙТИСОМ

Первоочередная задача, сама по себе характеризующая сегодняшнее состояние наших представлений о жизни и творчестве Юргиса Балтрушайтиса, – создание надежной и достаточно полной источниковой базы, которая сделала бы материал общедоступным, а его интерпретации – обоснованными и контролируруемыми. С глубочайшим сожалением приходится констатировать, что до сих пор недосягаем, практически, архив поэта. У нас нет библиографии публикации его произведений и критической литературы о нем. Многое остается сделать для подготовки критического издания стихотворений Юргиса Балтрушайтиса. Впереди даже простое собирание прозы поэта, его статей и заметок. Большая часть корреспонденции Балтрушайтиса остается неизданной и, вероятно, невыявленной. Тоже следует сказать о документах его служебной деятельности, и о всех прочих документальных пластах.

Невозможно думать, что все архео- и библиографические, текстологические, эдиционные проблемы разрешатся разом. Предстоит долгая и кропотливая, трудоемкая работа. Главная цель предлагаемой публикации – атрибуция Юргису Балтрушайтису небольшого, но важного исторически и идеологически текста, манифеста московского „Lo Studio Italiano“. Определение автора этого текста невозможно без публикации записок Балтрушайтиса к совершенно забытому итальянскому литератору Одоардо Кампе, а попытка

восстановить контекст, необходимый для интерпретации движущей идеи манифеста привела нас к привлечению нескольких ненапечатанных писем Балтрушайтиса к Вяч. Иванову. Хронологический порядок документов – обратный сказанному, так мы их и предаем тиснению.

I

Во всех исследованиях русской культуры начала нашего века недооценивается значение первой мировой войны для нескольких поколений и для судеб культуры в целом. Гибель Империи и торжество интернационального и национального Зла, воплотившегося в большевиках, заслоняют в глазах историков (да и современников событий) катастрофу 1914 года. Объясняется это в первую очередь собственно советской историографией, определившей в основном и модальности не только историографии антисоветской, но и подходов независимых наблюдателей. Не трудно привести, разумеется, и противные примеры, начиная с прозы Солженицына. И тем не менее, пусть о войне, даже о войне в жизни и с точки зрения деятелей культуры писалось много, – но не достаточно и, главное, односторонне.

Война четырнадцатого года была событием роковым, но естественным для современников, по ожиданиям и прогнозам – не выходящим за рамки обыкновенного. В отношении к войне сказывались не более или менее идеальные чаяния, которые определяли революционную (радикальную и либеральную) деятельность, оставаясь мечтаниями, ведущими в область неизведанного. Война же представлялась делом многократно испытанным в истории, делом нормальным, даже с точки зрения собственного биографического опыта – для многих современников. Война и отношение к ней выявляло в людях и в обществе план реальности, рационально фундированной исторической данности, а не проективности и неосознанных, базовых мотиваций поведения.

Для Балтрушайтиса война оказалась реализацией его укорененности в русской имперской культуре (которую

необходимо отличать, в определенных ракурсах, от русской и великорусской этнической культуры). Он переживает и осмысляет войну так, как ее переживают и видят московские друзья, прежде всего – Вячеслав Иванов (а рядом с ним – В.Ф. Эрн и другие, те, кто, по слову Эрна, верили, что „время славянофильствует“). Как показывают ниже приводимые письма, Балтрушайтис ощущает себя неразрывно, сущностно связанным с огромным телом Империи, вставшей на смертную борьбу с человекоубийственным (поскольку Богоубийственным) германским механическим чудовищем, также воплощенным в Империю, свою. Балтрушайтис, однако, далек от монархической верноподданности (также бывшей свойством не русским, а русско-имперским). Он не выходит за рамки либерализма – показателен его восторженный прием Февральской революции, высказанный во многих стихотворениях марта 1917 г. Подчеркну в них несколько мест, где Балтрушайтис говорит к той России, о которой и боль, и радость в письмах к Иванову:

...Расторгла сумрак жизни тесной
Русь, вся распятая в былом,
И в час Заутрени Воскресной
Пост вселенский свой псалом!
Красный звон. Светлая заутрения.

В день чуда в русском бездорожье
Идите, камешники божьи,
Поправ навек свой долгий псалм,
Дробить гранит для гордых стен...

Идите, плотники христовы,
Свершая кротко подвиг новый,
Тесать с молитвой горный дуб,
Чтоб рос в лазурь за срубом сруб.

И зданье света скоро-скоро –
Дыханьем русского простора,
Воздвигнет свой падежный кров
На счастье всех его сынов...
Красный звон. Зодчим нови

И прахом распались оковы, —
Руть, как единая грудь,
С верою в жребий свой новый,
Ринься в свой солнечный путь!..

Трижды Бог помочь державе —
Родине в пору забот...
Царствуй в величьи славе,
Русский свободный народ!
Привет Родине²

Но необходимо отметить и другое: в имперском измерении исторических судеб Балтрушайтис твердо знает и свое литовское „горе“ (см. ниже письмо от 16 июля 1915 г.) — имперское сознание и самоидентификация не подразумевают неизбежным образом денационализацию. И не следует ли предположить, что именно неподтвердившиеся „славянофильские“ ожидания стали катализатором ренационализации Балтрушайтиса? Вопросы такого рода — самые трудные и болезненные, но уклониться от них возможности нет, так как только они суть вопросы к подлинной истории и без ответов на них знать мы ее не можем.

Иванов во второй половине десятых годов, именно во время войны становится ближайшим, задушевым другом Балтрушайтиса — полагаю, что единомыслие и одиночувствие о войне многократно укрепило дружбу двух философствующих поэтов. Военные письма к Иванову — редчайший пример в эпистолярном наследии Балтрушайтиса писем настолько лирически взволнованных и открытых к собеседнику. Обычно литовец или буднично деловит, или холодновато отчужден, строго устанавливая личностную границу между двумя корреспондентами. Переживания войны побеждают его взвешенную лаконичность.³ Это делает его излияния тем более достоверными для понимания субъективного момента самосознания в войне и истории.

Интересующее нас содержание писем самоочевидно, для их понимания ничего не прибавило бы педантичное соотнесение слов о положении на фронтах с газетными отчетами, на которых основывались все переживания и умозаключения Балтрушайтиса, и тем более с фронтовой действительнос-

тью, которая может быть реконструирована историком боевых действий. Учитывая это, мы ограничиваемся самым скромным комментарием. Все приводимые письма хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 109.12.3; ниже в примечаниях к отдельным письмам указывается соответствующий лист единицы хранения). К глубокому сожалению, предлагаемую публикацию писем можно рассматривать только как предварительную: Отдел рукописей РГБ закрыт для читателей уже более года, объявлено, что откроется он не ранее как в конце 1999 г., и контрольную сверку наших копий провести не удалось. С другой стороны, не меньшее сожаление вызывает недоступность писем Иванова к Балтрушайтису, если они разумеется сохранились в семейном архиве, наглухо закрытом для исследователей.

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову⁴
2 сентября 1914 г. Станция Средняя.

Ст. Средняя 2. IX. <19>14

Дорогой Вячеслав – Еще раз желаю тебе бодрости. Я искренно радуюсь, что мы провели столько дней вместе. Это послужит ко многому.

Не забуду писать и посылать сведения.⁵

*Твой душевно
Ю. Балтрушайтис.*

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову⁶
2 сентября 1914. Тула.

Тула

Дорогой Вячеслав – Очень радостно исправляется положение в Пр.<уссии>. И па этот раз прав был я.⁷ А как хорошо во Франции! А как хорошо в Галиции! 1/2 дела сделано. Теперь-то можно успокоиться. Обнимаю. <...>

Твой ЮБ

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову⁸
28 апреля 1915 г. В поезде, между Тулой и Орлом.

1915. 28 апр. <еля> Между Тулой и Орлом

Дорогой Вячеслав – сегодняшняя телеграмма, вероятно, встретила тебя: немцы действительно проникли слишком далеко на восток.⁹ Но я не думаю, чтобы этот удар не был нами предвиден, так что противодействие не замедлит обозначиться. Я жду скорого возвратного удара по Гинденбургу, тем более, что в его глубоком, но узком, но фронту, продвижении кроется смертельная опасность. Тем не менее следует молиться. И еще одно: успех немцев ничего не решает, а наш успех на Дунае, где враг сосредоточит, пожалуй, свое высшее напряжение, имело бы неисчислимое влияние на все ближайшее и дальнейшее. Грустно не быть с тобой, как стало радостной привычкой. Грустно, хотя уволю мое полное восхищение твоей великодушной душой.¹⁰

Помни. Привет твоему Эрну.¹¹ Обнимаю.

Ю. Балтрушайтис

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову
14 июля 1915 г. Ильинское.

14. VII. 15 г. Таруса Калуж. <ской> губ. Им. <ские> Ильинское.¹²

Дорогой Вячеслав – Твоя душа, как моя, конечно, охвачена заботой о роковых боях, которые ведутся нами с мужеством неслыханным. После причиненных врагу многократными ударами огромных потерь, положение на Л. <ьвовско>-Холмском участке, главным, я считаю решительно поворачивающим в нашу пользу. Положение на Наревском фронте – мои последние сведения: переправа через Нарев, удавшаяся лишь на 11-й день германского натиска – тоже необходимо признать сносным. Очень надеюсь, что немцы сейчас отброшены за Нарев, а на юге кончают истекать кровью. Все это – преддверие к победе, которая должна сократить войну, а главное, должна раз навсегда упрочить наш возрастающий перевес над Кайзером. Надеюсь, ибо уповаю на Божью справедливость и милосердие. Может быть сведения, какие будут у тебя за вторник, среду и четверг, уже оправдают мою уверенность и мои предположения. Только бы теперь Господь благословил, все дальнейшее будет меньше, легче, проще, а наша великая и смиренная сила удвоится от сознания нашей доказанной

уверенности в себе. На севере мы отстояли себя в течение 10 1/2 дней (29 июня–10 июля), на юге очись больно били врага в течение 9^{ти} дней (ночь на 3–11), и главный натиск свежих и отдохнувших вражеских сил уже, думаю, позади, значит наша победа вероятна. И если такова наша радостная судьба, то может быть до истечения этой недели чудо Божье совершится. И тогда увидят все, что Гинденбург – или кто-там – вылез из кожи, а за его спиной – пустота.

Господи, дай победить!

Если победим, немцам будет хуже, чем можно предполагать; в злополучном случае (для нас), все кончится в ничью, и мы только отойдем от Варшавы. Но нет, нет, Боже, я вижу все признаки победы... – В эти дни буду писать тебе часто.

Брожу во ржи, Вячеслав, с межи на межу, с упорной думой о роковых днях, от которых, может, зависит сама судьба времени... Страшное творится, но страха нет в груди моей, как не должно быть в твоей...¹³

Все остальное слишком мелко и неуместно, чтобы упоминать о нем здесь..

Братски обнимаю. Молись горячо

Твой Ю. Балтрушайтис

P.S. Здесь, среди ржи и сосновых перелесков, вспоминаю твоего Человека, и могу только повторить сказанное тебе.¹⁴ Как не раз говорил, в тебе установилась новая жизнь. Есть образы, есть мысли, есть слова, которые не могут быть подсказаны счастливым иступлением ума или сердца, счастливым наитием, а требуют для своего возникновения тысячи ступеней, общего нерсроджсения по всему объему человека. И таковы твои новейшие образы, мысли и слова.

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову¹⁵

16 июля 1915 г. Ильинское.

16.VII.15.

Дорогой Вячеслав – Из сведений от 14-го радостно узнать, что расправа с Наревской немецкой группой налажена и идет весьма энергично. Здесь нам достаточно держать рску и накапливать вражеские потери. Показательны действия на Буге (Сокаль-Потуржица¹⁶). Этот фронт представляет барометр Л.<ьвовско>-Холмских боев, и он приходит в движение всякий раз, когда истекающим кровью силам Максизена грозит та или иная опасность. Говорят, что новая Галицийская операция может принять затяжной характер. Для нас и этого было бы достаточно, даже очень достаточно; но думается, характер

здешнего сражения и позиции врага таковы, что непременно должно последовать полное решение. И сегодня еще определеннее можно сказать, что оно может быть только в нашу пользу. Еще три дня на Нареве, еще 3–5 дней на юге и обстоятельства должны принять ясное и бесповоротное направление. Господи, прими нашу кровь нам на благо! А там и Риго-Шавельское (Литовское) горе пойдет на убыль...¹⁷ Если южная операция кончится бедой для немцев, то они будут стараться помочь ей с Нарева. Говорю это вперед и на всякий случай. Если, конечно, условия общего истощения и надрыва – повторяю, за спиной Гинденбурга пустота, но – *va banque!* – позволяют немцам вообще предпринять что-нибудь твердое и разумное..

Да, Вячеслав, судьбы времени решаются и – подчиненно и условно – продолжительность войны решается. Еще снится, что Дардапеллы падут в 3-хдневный срок между 6–11 августа. Велик Бог смиренных и правых, и уже пора считать светлые часы..

Ты, кажется, закончил *Человека*, Благословляю. Я переживаю пору общих раздумий. Мысли – в ритме и размере лесного шума. Он здесь со мной и неизменно широк. И точно все оси мира проходят через мое хрупкое сердце¹⁸. Может быть, мне не дано разрешить доступную нам частицу Тайны, но мне дано опутить ее и знать, что она есть...

Друг Вячеслав, я был у моря; и видел степь; и звездное небо в степи. Теперь я вижу поля ржи; и сельскую церковь; и сельское кладбище с развалившейся оградой.¹⁹ Три стихии, равные всем остальным. Мой жребий не беднее и не плоше жребия того, кто считает себя пришедшим в мир, чтоб видеть Солнце²⁰.. Здесь я, вопреки своей привычке, называю движения души <людской?> по имени. И тем умаляю свою собственную жизнь. Но ты лучше угадывай меня своим <нрзбр> вниманием. И уволь меня от размышлений. Потому что я хочу быть только струной отзывчивой и чуждой сна. А Кто – смычок, ты знаешь сам. Завтра пошлю тебе копии стихов, как ты наказывал.²¹

Братски обнимаю.

Твой душевно Ю. Балтрушайтис.

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову²²

18 июля 1915 г. Ильинское.

Суб.<бота> 18 июля. 10 ч.<асов> веч.<сра>

Дорогой Вячеслав – Волнующим предположениям о слаче Варшавы и линии Вислы я, пока, не придаю значения решенной действительности. Подготовка же общественного мнения к возможности

подобного события совершается на всякий случай. Что, конечно, только разумно. Если это и не минует нас, то Россия встретит ближайшие дни с достоинством и спокойным мужеством. Боевых же оснований к указанному решению еще нет. Сегодняшние и завтрашние известия до меня еще не дошли. А они крайне важны. Я верю, что мы отбросим немцев за Нарев. Это необходимо. Это было бы победой. Ведь весь натиск на Нарев ведется врагом из отчаяния, так как на юге дело его проиграно и неприятельские армии выбились из сил, созрели для успешного удара в лоб и в тыл с Буга. Это явно. Вот почему было бы большим счастьем для нас, если бы мы могли добиться разгрома на Нареве. И по тому, что я пока знаю, но всем признакам, это вполне возможно. Ставка велика и стоит рискнуть. Тем более, что рискуя, мы не поставили бы себя в опасное положение. Немцы на Нареве довели свое напряжение до крайности. По необходимости. Как следствие всего своего положения. И разбить это напряжение значило бы свести к нулю все их успехи и усилия за время от половины апреля до сегодняшнего положения вещей. Это дало бы отдых всей русской душе. Еще три дня и все будет ясно. Я только горячо уповаю на Божье милосердие.

Эти мои рассуждения дойдут до тебя слишком поздно и уже при наличии дальнейших событий, но я делюсь ими с тобою в душе, лишенный возможности беседовать с тобой в эти роковые часы... Если же не суждено победить и на этот раз, то не беда, глотнем из горькой чаши и претерпим. Ибо велик Господь! И правый суд Его неизбежен. Нужно только, чтобы все мы были, как один человек. И были тверды, как наши умирающие братья в бою..

Потому – строгого, молчаливого и гордого мужества, Вячеслав! Все будет легче.. Жаль, конечно, что поздно взялись за дело. Но мы не опоздаем!

19-го. 10 ч. <асов> утра.

Сейчас еду на почту, где узнаю дальнейшие, вероятно, очень важные в смысле выводов, факты.

Братски обнимаю.

Твой Ю. Балтрушайтис

P.S. И по сегодняшним вестям положение не исправилось. Видно, нужен главный бой отсрочить. Будем поэтому мужественно бодры.²³

20.VII.15

Дорогой Вячеслав – Итак, утверждают, что очищение Вислы неизбежно. Я же думаю, что там, где принимается всякое решение, еще ничего фактически не приято. Наше положение таково, что мы можем ждать дальнейших событий. Наша армия ведет себя так, как ведут себя сознающие свою мощь и свободу действия. Во всяком случае, прежде чем мы оттянем войска на новый фронт, немцам предстоит потерять 200–300.000 солдат. Не потому ли при нашей намеренной и *мудрой* пассивности германцы дерутся с передышкой? Польша, занятая Польша, не могла ли Кайзеру и его фалангам? Гот из немцев, кому известно *все*, не обрадуется ни Варшаве, ни Висле. Повторю, мы могли бы и рискнуть, потому что за немецкой стеной – пустота. Но и так отлично. Вернее, и в такой войне, как нынешняя, пожалуй, разумнее. Немцы могут рисковать своим существованием, но мы *не должны* рисковать *судьбой мира*. Теперь все ясно, все вражеские карты раскрыты, и дальше наше дело будет только яснее, проще, крепче. И чтобы кончить: немцы за свой патиск на нас заплатили так дорого, что можно было бы радоваться этой дорогой цене; но мы возьмем с них еще. Пускай те же их армии, истекшие кровью здесь, спешат теперь на Запад, где встретят союзную свежую и отдохнувшую руку, а тем временем и мы отдохнем и умножимся. Словом, Вячеслав, нет места унынию и боли. Долг исполнен, несокрушимая мощь, трезвое мужество доказано. И раз война не может быть кончена в этом году, лучше переждать и устранить недочеты, чтобы кончить войну в урочный час, одним-двумя богатырскими ударами. И аминь!

Об остальном, о наиболее <искусном?> нашем поведении впредь поговорим при личном свидании...

Желаю тебе скорейшего окончания книги, если ты еще не кончил.²⁵ Моя, пока, продвигается что-то медленно.²⁶ От всего, что ныне в мире творится, изменились мои требования к творчеству. Прежде всего к моему личному. А там и ко всякому. И впредь я принужден иначе думать о человеке. Лучше и хуже.

Дорогой поэт, обнимаю тебя.

Твой сердечно Ю. Балтрушайтис.

26. VII. 15

Надеюсь, ты не ощутил уныния, дорогой Вячеслав..

Ведь оставление Варшавы, в строго военном смысле, только к тому и привело, что развязало наши руки. Сражение, т.е., пламя, пожирающее немецкие легионы, пылает теперь без огромных вспышек (а пенел падает на голову Кайзера). Пока есть Датов и Лысяя гора, Варшава *не принадлежит никому*: ни нам, ни немцам. Ибо нет решения; а победа без решения есть усилье спачала. Для временного закрепления Варшавы за собой немцы должны уплатить столько же, сколько уплатили за возможность полного зловещих видений и страхов ночлега в ней. Я считаю, что второй год войны пачался при бесконечно более ясных и надежных обстоятельствах, чем первый. Мы знаем, что могут немцы, и знаем, что можем мы. И теперь все стало определеннее и легче. Варшава стоит на перевале, через который проложена дорога в Берлин. И теперь мы – а с нами и наши союзники – ближе к нему, чем были к нему в тот день, когда наши армии стояли под стенами Кракова... За первый год войны Россия выросла, с оставлением Варшавы отрок возмужает. Мир восхищенно молится за нас, а Берлин узнал, что нельзя ликовать. Ибо Варшава лежит между Лысой горой и Датовом. Там мы „*зарезали сон*“ Вильгельма. И это в последний раз. Странная война, где есть победа немцев, но нет поражения русских. В этом ожесточении боев, где русское мужество стало уже святым бесстрашием мученичества, германцы должны уже ощутить холод неминуемой паники, которая проникла в их волю, как смертельная, только еще не сказавшаяся во внешних симптомах, болезнь. Нет, нет, велик Господь, ниспославший нам всю эту горечь, ибо наш путь теперь очевиден до конца. Ближайшее русло вещей как-будто наместилось, но *может случиться*, что немецкий вал прорвется где-нибудь роковым образом, и все пойдет прахом. Ибо мы припомним судьбу, а Гипденбург *искушает* ее, даже *принуждает* ее из последних, задыхающихся сил...

Вот тебе – мое беглое суждение.

Полезно остановиться на подсчете немецких сил... На путях к Варшаве и дальше (до Перелома) Германия потеряла все новые образования, подготовленные за зиму (около 900.000), и некоторую часть

(300–400.000) войск, взятых на Западе. Запас остающихся людей у нас безусловно меньше этой суммы. Так что убыль в немецких рядах уже не может быть восстановлена вполне, и, даже продолжая натиск на нас одних. Кайзер не может довести его до (минувшего теперь) прежнего напряжения. Но натиск только на нас впрямь уже невозможен. Запад готов к действию. Приходится делиться немцам. А разделенная на две части (как бы они ни были неравны), Германия сразу слабеет вдвое.. В довершение всего: кампания против нас (очередная) заканчивается в таких тактических условиях, что германское ослабление на нашем фронте, если оно и возможно в какой-то степени, сопряжено со смертельной опасностью.

Dixi.

Обо многом нужно беседовать с тобой. <Насущном?>. Но письма для этого мало пригодны. Будем пока накапливать мысли и вещи порывы порознь...

я много (и по-новому) думаю о тебе, и ты по-новому покорил мою душу. Больше пока не скажу ничего.

Братски обнимаю.

Твой Ю. Б.

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову²⁸
9 августа 1915 г. Ильинское.

с. <сло> Ильинское
9.VIII. 15

Дорогой Вячеслав – Мои надежды не сбылись. Но лишь с внешней стороны. С внутренней же стороны и с точки зрения *Конца*, все стало к лучшему. Как бы там ни было, сколько бы горькая чаша не ждала нас, нам только дотерпеть до осенней распутицы. Пускай немцы напрягают действительно последние силы; несмотря на внешние удачи, они пошли на убыль. Это уж так! И скоро уже наша полоса. Утверждаю.

Прими мое послание. Знаю, что твоя душа с волнением откликнется на него.²⁹

Скоро, вероятно, увидимся.
Братски обнимаю.

Твой Ю. Балтрушайтис

Дача Брусиловского Куяльницкий лиман.
Одесса.
18. X. 16.

Дорогой Вячеслав – Приобщившись славе брянских лесов, и колыханию бесконечной ржи и ржи, и днепровскому простору у подножья Андрея Первозванного³¹, и бессарабской степи, сижу теперь и вижу полосу моря. И душа опоясана радугой. И человеческая душа моя – как глубокий колодезь, в котором отразились звезды. И вся жизнь моя – ночное озеро в лесу с целыми созвездиями в глубине³². От всего этого – слишком сладостно. И особенно сладостно и нестерпимо целительно то, что вся Русь сейчас состоит из зеленых колосьев, точнее – вся она – один великий колос, только что раскрывшийся и вздымающий нарастающую ношу всех зерен, *всех зерен*³³. Проникнись глубже этим зрелищем, когда поедешь к тому же Понту Эвксинскому³⁴. Очень необходимо, чтобы наша мысль как можно чаще терялась перед подобной стихией и смиренно тонула в ней. И если всякая растерянность мысли *нужна* для восхищения, то *эта* нужнее всего. Для венца вселенского.

По дороге, за Кисвом, где уже чувствуется фронт, где беспрерывно муравейное движение к нему и от него, попадались наши подвижники крови, и как они непохожи всей волей, всем своим складом и составом на наших „мирных“ дельцов. Бодрые движения, бодрые слова, и, вероятно, еще более бодрые мысли, вернее – одна мысль, волевая, простая и ясная, и в ней – *вся русская мысль*. И это невыразимо *целительно*.³⁵

Вот, мой скромный привет тебе и Эрну. Скоро напишу еще, когда молитвеннее прижмусь лбом и крестообразно раскрытыми руками к земле родной, земле святой.³⁶

Покуда же – “*αἴτος ἰθὺρος!*”³⁷ И – Аллилуйя!
Братски обнимаю

Твой Ю. Балтрушайтис.

II

На этом военная тема в переписке двух поэтов в общем исчерпана. Хотя они жили больше года на огромном расстоянии друг от друга, переписка, вероятнее всего, не подерживалась, во всяком случае, она неизвестна. Однако пора

вспомнить, что военная тема, сколь ни важна она и не настоятельна к исследованию, нас интересует здесь только как фон, на котором читается документ, который мы атрибутируем Юргису Балтрушайтису. К сути этого дела нас подводит еще одно письмо к Иванову:

Ю. Балтрушайтис – В. И. Иванову³⁸

до 5 апреля 1918 г. Москва.

Дорогой Вячеслав,

Организация итальянского общества подвинулась настолько, что 22/9 апреля, в будущий понедельник, 3 1/2 дня, назначается в Румянцевском музее собрание, на котором очень просим тебя сказать несколько слов. Бальмонт читает: „Что мне дала Италия?“ я – Краткую хвалу оливе, кипарису и пинии³⁹. Вот и вся программа. Лично я очень прошу тебя непременно принять участие. В четверг и пятницу буду у тебя: больше уже нет сил не видеть тебя и не побеседовать.

Братски обнимаю

Твой сердечно Ю. Балтрушайтис

P.S. Прилагаю воззвание⁴⁰ и статью Иванова-Разумника⁴¹.

<На обороте – А.Д., Н.К.:>

Безмолвие.

Я в жизни верую в значение
Молить, сокрытых тишиной,
И в то, что мысль – прикосновение
Скорбящих душ к душе родной...
Вот почему я так улюрно –
Из тесноты – на мир просторный,
Где только пядь межги – мой дом,
Гляжу в раздумии немом...
И оттого в томленьи духа,
Благословляя каждый час,
Что есть, что вспыхнет, что погас,
Безмолвный жрец, я только глухо
Молюсь святыне Бытия,
Где мысль – кадьница моя...⁴²

Ю. Балтрушайтис.

В письме говорится о создании в Москве общества, получившего название „Lo Studio Italiano“. О нем часто упоминают свидетели московской литературной жизни⁴³, но никто, кажется, не отмечал, что основной „идеологический“ документ общества, его манифест составлен Юргисом Балтрушайтисом. История его создания приоткрывается в серии записок Балтрушайтиса к совершенно забытому итальянскому писателю Одоардо Кампа, жившему тогда в Москве и ставшему главным организатором общества. С Кампой Балтрушайтис был знаком, вероятно, еще по довоенной Италии, поскольку тот поддерживал связи с Джованни Папини, ближайшим другом Балтрушайтиса, и с другими членами того кружка литераторов, где Балтрушайтис был своим человеком.⁴⁴ Вот интересующие нас записки, отражающие скудость жизни в революционной Москве (сохраняем языковые особенности подлинника):

Ю. Балтрушайтис – О. Кампа⁴⁵
15/28 февраля 1918 г. Москва.

Caro Campa

Il portatore è incaricato portarci quella farina. Il denaro sarà pagato alla prima sua visita o al sig. <nore> Kniazev il quale prego di venire da me domani perché il circolare finalmente sarà pronto stasera e sarà da prendere domani a un'ora qualunque.

Suo J. Baltruscitis

Ю. Балтрушайтис – О. Кампа⁴⁶
16, 17 или 18 февраля / 1, 2 или 3 марта 1918 г. 1918 г.
Москва.

Caro Campa,

Il circolare non è finito. *Prometto* di farlo per 19 (Luned"). *Questa volta lo avra in modo securissimo.* Visto V. Ivanov. Bisogna ch'io cerco a farlo cambiare il brutto umore. Il denaro per la farina abbiamo preparato.

Suo J. Baltruscitis

Ю. Балтрушайтис – О. Кампа⁴⁷
Февраль (?) 1918 г. Москва.

Caro amico,

Il circolare non è pronto. Glielo manderò domani a casa sua
Con affetto

J. Baltrusciatis

Несомненно, „циркуляр“ итальянских записок – это „манифест“ из записки к Иванову. Можно предположить, что Балтрушайтис передал Кампе проект документа и он был потом проредактирован, как коллективное обращение к обществу, в качестве которого он и появился в виде четырехстраничной листовки, изящно отпечатанной на хорошей бумаге в Москве, где повседневностью была слепая печать газет, готовых рассыпаться в руках.

Общество Института Итальянской Культуры
„LO STUDIO ITALIANO“
В МОСКВЕ

Если кровавая мировая война, возникшая в конечном счете из внутренних противоречий нашей большой цивилизации и всей жизни человечества, даже закончится торжеством права и справедливости, то этот новый порядок мира до тех пор не станет незыблемой основой всего нашего бытия, пока он не войдет во внутренний опыт людей и не завершится целостным преобразованием всей нашей жизни, подчинив ее творческую волю одному общечеловеческому идеалу и укрепив в ней единую вселенскую совесть.

Час этого преобразования, быть может, еще слишком далек и, чтобы по мере сил ускорить его приход, у человечества нет другого пути, вне тесного духовного общения творческих сил всех отдельных народов во имя их братского соучастия в упорном и живом осуществлении многообразного в своем национальном лике, но непреложно единого в своей сущности, всечеловеческого долга перед жизнью и миром.

Исходя из такого сознания и таких побуждений, группа лиц в Москве сочла неотложно необходимым основать давно задуманное Общество Итальянской Культуры, которое во всей своей деятельности руководилось бы стремлением возможно глубже проникнуть в ду-

ховную сущность итальянского народа и возможно полнее осениться творческим гением Италии, являющейся именно матерью истинной культуры и колыбелью всей европейской цивилизации.

В самом деле: наследница древнего Рима, Италия пронесла через длинный ряд столетий весь творческий дух и цельность духовной мощи великого Латинского Племени, в приливах и отливах своей исторической жизни не раз и не раз опережая свою современность величавым расцветом искусства, науки и материальной культуры. Век Данте изумительно сменяется веком Леонардо, Макиавелли, Гвиччардини, Лодовико Ариосто и Божественного Микеланджело, веком Палестрина и Торкватто Тассо, Галилея, Муратори и великого Вико, веком Гольдони и Витторио Алфieri, Алессандро Вольта и Капова, и, наконец, нашим временем, которое, начиная с Уго Фосколо, рядом с Леопарди, Манзони, Джоберти, Росмини, Капуа и Томмазо, завершается Джозуэ Кардуччи (1835-1907), этим Горацием новейшего Рима. И на протяжении почти тысячелетия, раскрываясь в глубь и ширь во многообразии своих проявлений, творческий гений итальянского народа сохраняет глубочайшую внутреннюю цельность, которая в одной и той же воле способна совместить такие различные и неожиданные грани, как Св. Франциск Ассизский или Бокаччо, Аретино или Джордано Бруно.

По замыслу учредителей, главной заботой общества должно быть скорейшее учреждение особого института итальянской культуры – LO STUDIO ITALIANO – по образцу знаменитых Болонских и Флорентийских студий (Universitates) Средневековья. Паряду с научным освещением тех сторон итальянской духовной жизни, которые отчасти еще вовсе не вошли в русскую науку, институт прежде всего ставит себе целью изучение творческого духа Италии в его живом единстве, будь то могучее действие или уединенное созерцание, в непрерывной связи со всей окружающей жизнью. Основная духовная цель общества – не только объективная любознательность или эстетическое наслаждение, но прежде всего приобщение к действию, мысли или художественному образу в порядке нашего внутреннего опыта. А в последовательности времени – не только деятельное созерцание итальянской старины и современности, но и живая жажда проникнуть в то всечеловеческое пророчество, которое таит в своей дальнейшей судьбе мысль, воля и сердце великого итальянского народа.

Москва, Апрель 1918 г.

Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, Николай Бердяев, Валерий Брюсов, А. К. Виноградов, Б. Виппер, кн. В. Д. Голицын (*Директор Румянцевского Музея*), проф. Ю. В. Готье, Игорь Грабарь (*Директор Треть-*

яковской Галереи), Бор. Зайцев, гр. В. П. Зубов (Директор Института Истории Искусств в Петрограде), Вячеслав Иванов, Одоардо Кампа, П. В. Князев, Б. С. Петровский, проф. М. Розанов, Н. И. Романов (Хранитель отд. изящных искусств Румянц. <евского> Музея), А. А. Тарасович.⁴⁸

Открытие Общества состоялось, как и было намечено, 22 апреля. В газетном отчете говорилось: „Торжественное заседание открыл проф. Ю. В. Готье. К. Д. Бальмонт прочитал блестящий реферат, в котором сравнил „Авзоную счастливую с талисманом, всем – от ребенка до старика – дарящим счастье. Великолепные стихи прочел Ю. Балтрушайтис. Большую речь произнес Вячеслав Иванов. В речи этой поэт подчеркнул, что для нас, конечно, ценна не современная Италия, а Италия – наследница Рима, воспринявшая великую античную культуру и через ряд столетий принеся ее в дар человечеству. Последним говорил Одоардо Кампа, на итальянском языке. Оратор подробно доказал, что именно Италия была матерью истинной культуры и колыбелью европейской цивилизации“.⁴⁹

Сопоставление текстов „воззвания“ и стихотворения „Привет Италии“ вскрывает их близость, конструктивную и содержательную. Тщательный анализ этих текстов отложим на потом. Здесь отметим только, что и тема мировой войны – и все еще в положительном ключе взятая – присутствует в стихах, когда славится „щит“ древней доблести, который „не изменит ныне на Пиаве“ – главной итальянской арене кровопролития в первую мировую войну. Но общий пафос „воззвания“, составленного Юргисом Балтрушайтисом от лица московских италофилов, уже разительно отличается от его военных писем к Иванову, которые мы и привели тут как контрастный контекст.

¹ Подготовка текста писем Ю. Балтрушайтиса выполнена совместно с А. И. Демьяновой.

² Балтрушайтис, Юргис. Дерево в огне: Стихи / Состав. и прим. Ю. Тумялис. – Изд. 2. – Вильнюс, 1983. – С. 214, 264–265. – См. также на с. 264 стихотворение „1-е марта“. – Отметим в обращении к „Зодчим пови“ сквозную масонскую тему.

³ Ср. в п. от 16 июля 1915 г. из Ильинского: „Здесь я, вопреки своей привычке, пазываю движения души <людской?> по имени“.

⁴ Л. 6. Открытка, карандаш. В оригинале описка в дате: VIII (ср. датировку следующего письма). Первое письмо после совместного летнего отдыха, во время которого разразилась война. Очевиден напряженный тонус отношений, требующих контакта не медленно после расставания (письмо писано на станции, с которой уезжал Балтрушайтис, – на станция Средняя Сызранско-Вяземской ж.д.). Адресовано Иванову в имение Бера, Петровское – ср. стихотворение Иванова „Петровское на Оке“. посвященное „Юргису и Марии Ивановне Балтрушайтис“:

Забуду ль роковыс дни
Взростившего злой колос лета,
Семьи соседственной поэта
Гостеприимные огни?

Мы вместе зажигали свечи
И выносили образа,
Когда вселенская гроза
Семью громами издадлече

Заговорила... И во мне
Навек жива взаимность эта,
Как соучастие обета
Спасенных па одном чдлсис.

Привожу только первое стихотворение из двух, образующих цикл (Иванов, Вячеслав. Свет вечерний / Poems by Vyacheslav Ivanov; With an Introduction by Sir Mauris Bowra and Conimentary by O. Deschar-tes; Ed. by Dimitri Ivanov. – Oxford: At the Clarendon Press, 1962. – С. 48. – Обратим внимание на то, что „мы“ этого стихотворения хотя бы отчасти совпадает с „мы“ стихотворений из цикла „На Оке перед войной“, рассказывающих о попытках разгадать знаки будущего летом 1914г. (там же, с. 47; в поэзии Иванова „мы“, соотнесенное не с „ты“, как „ты и я“ или всечеловеческим единством, а с неопределенным множеством, конкретным, очерченным бытовой ситуацией, – встречается крайне редко).

⁵ К Иванову в сельскую глушь поздно доходила информация о положении на фронтах.

⁶ Л. 5. Открытка, карандаш. Отправлено через несколько часов после первой открытки, писано или в вагоне или во время стоянки на вокзал: Балтрушайтис познакомился со свежими газетами и должен был поделиться новостями, тем более радостными, на его взгляд,

с другом. Гибель русских корпусов в Восточной Пруссии стала свершившимся и общеизвестным фактом малое время спустя.

⁷ Знаменательно, что энергичную, оптимистическую веру в успех войны для антигерманской коалиции, судя по всем письмам, занимал Балтрушайтис, Иванов, вероятно, был одержим предчувствиями недоброго исхода.

⁸ А. В. Отправлено, судя по почт. шт., из Орла. Карандаш.

⁹ Речь идет о начале кампании 1915 г., о немецком наступлении, приведшем к потере Варшавы – эти события определяют содержание дальнейших писем.

¹⁰ После общения в Москве зимой 1914-1915, перед разлукой ознаменованной смертью общего друга, А.Н. Скрябина, последовавшей 14 апреля 1915 г. Ср. в п. В.Ф. Эрпа к жене от 14 апреля 1914 г.: „Все эти дни был болен Скрябин, тревожно и тяжело. Часто приходил Балтрушайтис от него. Вячеславу было очень тяжело“ и т.д. – Высказующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках /Состав. подготовка текста, вступительная ст. и комм. В.И. Кейдана. – М., 1997. – С. 637.

¹¹ Владимир Францевич Эрп (1882–1917) – философ, ближайший в эти годы друг Иванова; его выступления „Время славян офильствует“, „От Канта к Крину“ и др. породили огромное количество откликов и стали даже притчей во языцех, как крайнее выражение „посолавянофильства“ – С. Эрпом, жившим в квартире Иванова, Балтрушайтис сблизился зимою 1914–1915 – см. многочисленные упоминания о поэте в письмах философа в упомянутом в предыдущем прим. документальном сборнике (по указателю); отметим шутливое прозвище Балтрушайтиса „страте“, данное ему, несомненно по характеру его разговоров о боевых действиях, запечатленному публикуемыми нами письмами.

¹² См. прим. к следующему п.

¹³ Приводимые письма неразрывно связаны с прекрасным стихотворением „Село Ильинское“, где мы читаем, в частности:

...Таков убогий мир, в котором
Живу, сквозь призрачный покров
Стараясь вникнуть в часе скором
В недвижный замысел веков...
Но, дав мне в жизни мир мой малый,
Не боль изгнанья и опалы
Вложил Создатель в грудь мою,
А славословье бытию –
Коль славен русский жребий трудный,

Мох ветхих крыш, гнилой плетень,
Дым нищих сел, где дремлет тень –
И да святится колос скудный
В полях, объятых тишиной,
Как нежный лик страны родной.

Она теперь в глубоких ранах
И вся в запекшейся крови,
Но эрсет в ссверных туманах
Срок искушительной любви...

Заметим, что стихотворение Балтрушайтиса написано „онегинской“ строфой, строфой ивановской поэмы „Младенчество“, сложившейся, в основном, в 1913 г. Эта форма использована и в более поздних обращениях Балтрушайтиса к другу – „Вячеславу Иванову в Красной Поляне“, „Безмолвие“ („я в жизни верую в значенье...“) (см. ниже, апрельское письмо 1918 г.)

¹⁴ речь идет о мелопее Веч. Иванова „Человек“, основная работа над которой была закончена в 1915 г. (см.: Шишкин А.Б. К истории поэмы „Человек“ Вяч. Иванова // Изв. РАН. – Сер. Лия. – 1992. – Т. 51. – № 2. – С. 47–59). – О „сказанном“ Балтрушайтисом сведений не имею.

¹⁵ Л. 11–12.

¹⁶ Сокаль – город на правом берегу Буга, в 32 верстах от Владимира Вольского; Потуржица – населенный пункт в трех верстах на юг от Сокаля, во время упорных боев на этом направлении многократно переходило из рук в руки.

¹⁷ По литовской земле, через Шавли (Шауляй) пемцы вели наступление на Митаву и Ригу.

¹⁸ Ср. известный мотив Г. Гейне: „Ах, дорогой читатель, если уж хочешь ты жаловаться на эту разочарованность, то пожалуйся лучше на то, что весь мир разорван по самой середине. А так как сердце поэта – центр мира, то в наше время оно тоже должно самым жалостным образом разорваться“ (Г. Гейне. Путевые картины, ч. III. Лукские воды). Следует учесть и возможную связь с ивановским образом (из стихотворения 1914 г., которого Балтрушайтис не знать не мог, ибо оно было посвящено Брюсову и опубликовано в том же году вместе с брюсовским ответом):

...Отвес греха в пучину брось, –
От Бога в сердце к Богу в себе
Струной протянутая ось
Поет „да будет“ Отчей воле

В крошечной тьме и в небеси:
На отчем стебле – колос в поле,
И солнца – на Его оси...

. Лири и ось

Что указываемая связь может быть неслучайною, подтверждается „струной“ в конце разбираемого письма, и образом полевого колоса, входящим в ядро топки Балтрушайтиса (есть колос и в цитированном выше стихотворении „Село Ильинское“).

¹⁹ Ср. тот же пейзаж в стихотворении „Село Ильинское“.

²⁰ Имеется в виду Бальмонт, в стихотворении, открывавшем знаменитую книгу „Будем как солнце“, провозгласивший: „я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце“.

²¹ О каких стихах идет речь – не знаю.

²² Л.13.

²³ Постскриптум появился, несомненно, на почте, после нетерпеливого просмотра свежих газет.

²⁴ Л.14.

²⁵ О чем идет речь – не ясно, возможно – о мелодее „Человек“ (ср. предьдущие письма), по могу быть сделаны и другие предположения.

²⁶ Возможно, речь идет о третьей книге стихов Балтрушайтиса.

²⁷ Л.15.

²⁸ Л. 16.

²⁹ Вероятно, идет речь о каком-то стихотворении, но приложения теперь при письме нет (можно осторожно предположить, что было послано стихотворение „Село Ильинское“, датированное именно 9 августа 1915 г. (датировка – Балтрушайтис, Юргис. Дерево в огне: Стихи /Состав, и прим. Ю. Тумялис. – Изд. 2. – Вильнюс, 1983. – С. 294).

³⁰ Л. 20 21.

³¹ т. е. у стен Андреевской церкви, сооруженной в Киеве на высокой Андреевской горе, в память освящения ее св. апостолом Андреем Первозванным.

³² Озеро, отражающее горные глубины, – часто встречающийся у символистов образ. Вяч. Иванов писал в дневнике еще 1 марта 1889 г.: „Всякий раз, когда я перепошу себя [воображением] фантазис в идиллическую обстановку, я представляю себя в уединении, весною, на низовьях, облитых кругом полным озером тихих вод. Я представляю себе мучительно-сладкий блеск глубокого синего весеннего неба, теплоту, которая льется сверху [и греет, <нрзбр> озаряет], греет

молодые листья и стебли, сушит сырые камни и трещины почвы, веет свежою и бодрою отрадою [выздоровления], подобною отраде утра и выздоровления“ (ОР РГБ. – Ф. 109.1. 2. – Л. 5 об.-6).

³³ Иванов, как и Балтрушайтис, часто обращался к образу колоса, особенно часто – в годы войны и революционной смуты. Далеко не всегда можно и пужно рассматривать его появления в произведениях поэтов как сознательный жест, отвечающий на вызов или вызывающий об ответе. Достаточно того, что одновременное его использование обозначает обоих как черпающих из одного тезауруса. Вопрос в таком случае встает о близости независимых трактовок единой темы, о мере близости, угловом расстоянии двух различных подходов. С приводимым письмом, кажется, следует связать, в этом смысле, стихотворение Вячеслава Иванова, написанное 22 декабря 1918 г., в котором революционная действительность не вполне заглушила еще чаяния военного времени:

Есть в Опинной пустыни Божия Мать Спорительница.
По видению старца Амвросия
Написан образ Пречистой:
По край земли дивное Богатство нивное;
Владычица с неба
Глядит на простор колосистый;
Спрячтся колосья,
И множатся в поле снопы золотистого хлеба...

Тайные церкви глубин святорусских Затворница,
Руси боримой со светлыми духи Поборница,
Щедрая Благотворительница,
Смут и кровей на родимой земле Умирительница,
Дай нам хлеба вскорости, –
Добрым всходам спорости,
Матерь Божия Спорительница!

(Народоправство. – 1918. – 1 февр. (№ 23–24). – С. 2)

³⁴ Иванов с семьей летом 1916 г. съехал на Черное море, в Сочи, где прожил почти год.

³⁵ Разлад, распад русской тыловой жизни к этому времени стал мучить всех участников событий. Удивительно при этом, что Балтрушайтис сохраняет оптимистическое восприятие прифронтовой среды, также катившейся, по свидетельствам очевидцев, к хаосу.

³⁶ Перед нами еще один сквозной мотив символистского мифа, воспринятый из Достоевского, неизбывный, в частности, у Вяч. Иванова. Отметим соединение двух церковных культур в этой фразе

Балтрушайтиса – ср. у Вл. Соловьева: „Что я скажу Ему? Ведь я должен буду склониться перед Ним как последний глупый христианин, как русский мужик какой-нибудь бессмысленно бормотать: Господи Сусе Христе, помилуй мя грешного, – или как польская баба растянуться *жыжем!*“ (цитирую внутреннюю речь „сверхчеловека“ из „Краткой повести об антихристе“ – для нас важна здесь только культурное и этническое опознание определенной позы тела).

³⁷ Балтрушайтис из молитвенного обращения „Святый Боже, Свя-
тый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас“ выбирает средний
возглас.

³⁸ Л. 2. – Датируем письмо на основании содержащихся в нем
сведений: собрание назначено на понедельник 9 апреля, но еще в
четверг и пятницу, 5 и 6 апреля, Балтрушайтис обещает быть у Ива-
нова, значит, письмо не могло быть написано после 4 апреля 1918 г.

³⁹ Речь идет о стихотворении „Привет Италии“, которое Ю. Ту-
мялис датирует 20 мая 1918 г. (Дерево в огне, цит., с. 296). Как видно
из публикуемого письма, оно было, хотя бы в какой-то степени.
отработано уже в апреле, а 22/9 апреля читалось публично. Поэт в
письме называет стихотворение по его эмблематическому заверше-
нию, претворяющему историческую панораму культуры в образы ита-
льянского пейзажа:

И не его ль, не дух ли вещей Рима,
Далекие, мы чтим благоговейно
В часы, когда, волнуя сердце, спится
Твой кипарис, и серый ряд оливок,
И пиния, как жертвенная чаша,
Воздетая за даром солнца к небу
И врытая глубокими корнями
В эсминую грудь, как вечный образ твой?!

⁴⁰ Речь идет, вероятно, об отпечатанном уже экземпляре „цир-
куляра“, над которым работал Балтрушайтис – см. ниже.

⁴¹ О какой статье Р. В. Иванова-Разумника идет речь – установить
не удалось.

⁴² В посмертном сборнике „Лилия и серп“ (с. 96) стихотворение
озаглавлено „Безмолвие“ и датировано:

21.3.1918 || Москва.

⁴³ Чаще всего вспоминается общество в связи последним пуб-
личным выступлением Александра Блока, бывшего его гостем. Мы
ограничимся тремя смыслами на тексты более общего содержания:
Зайцев, Борис. Москва. – Париж, 1939. – С. 220–222; Грифопова М.И.

Из воспоминаний об Институте итальянской культуры в Москве // Дантовские чтения: 1979 / Под общей ред. Игоря Бэлзы. – М., 1979. – С. 260–266; Platone, Rossana. „Italofili“ a Berlino // Europa orientalis. – 1995. – Ъ 2 (14). – Р. 209–225.

⁴⁴ См. подробнее: Котрелев Н.В. Итальянские литераторы – сотрудники „Весов“: (эпизод из истории русско-итальянских связей) // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ: Сб. науч. работ. – М.: ВГБИЛ, 1978. – С. 129–158.

⁴⁵ РГБ. – Ф. 117.4.2. – Л. 1. Перевод:

Дорогой Кампа,

Подателю сего поручено отнести к нам эту муку. Деньги будут выплачены при первом появлении или господину Князеву, коего прошу прийти ко мне завтра, поскольку циркуляр будет наконец готов и его можно будет забрать завтра в любое время.

Ваш Ю. Балтрушайтис

⁴⁶ РГБ. – Ф. 117.4.2. – Л. 2. Перевод:

Дорогой Кампа,

Циркуляр не окончен. *Обещаю* закончить его к 19 (Понедельнику). *На этот раз* вы его получите *непрерменно*. Я видел В. Ивашова. Я должен заставить его повеселеть. Деньги за муку мы приготовили.

Ваш Ю. Балтрушайтис

Основание датировки: февраль – по связи с предыдущей запиской, темой не только „циркуляра“, но и муки и денег за нее; но 19 февраля субботой могло быть только по юлианскому календарю (разумеется, нельзя исключить, что письмо отпосится к другому месяцу, а ситуация с мукой в голодающей Москве – повторная.

⁴⁷ РГБ. – Ф. 117.4.2. – Л. 3. Перевод:

Дорогой друг,

Циркуляр не готов. Я пришлю его вам завтра домой.

С приязнью

Ю. Балтрушайтис

Эта записка может предшествовать первым двум или следовать за ними, может даже располагаться между, неопределенность даты для нас существенной роли в этом случае не играет.

⁴⁸ Воспроизводим текст по экземпляру из собрания Н. В. Котрелева. За подписями следуют выдержки из устава общества, знакомящие с организационными его аспектами программ. Этот текст, технический

по существу мы опускаем, тем более что приписать его авторство Балтрушайтису затруднительно.

⁴⁹ Известия дня. – М., 1918. – 23/10 апр. (№ 24). – С. 2. – Без подписи.

IŠ JURGIO BALTRUŠAIČIO LAIŠKŲ VIAČ. IVANOVUI IR ODOARDO KAMPA. – JURGIO BALTRUŠAIČIO PARAŠYTAS MASKVOS „LO STUDIO ITALIANO“ MANIFESTAS

Santrauka

Pagrindinis šios publikacijos tikslas priskirti Jurgiui Baltrušaičiui nedidelį, bet istoriniu ir ideologiniu požiūriu svarbų tekstą – Maskvos „Lo Studio Italiano“ manifestą. Neįmanoma nustatyti šio teksto autoriaus, neatspausdinus Baltrušaičio laiškų visiškai pamirštam italų literatui Odoardo Kampa. Siekiant atkurti kontekstą, būtiną interpretuojant pagrindinę manifesto idėją, spausdinami anksčiau nepublikuoti Baltrušaičio laišakai Viač. Ivanovui, rašyti I Pasaulinio karo metais.

Jurgis Baltrušaitis:

poetas, vertėjas, diplomatas

Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas

VILNIUS 1999

**Serijos viršelio dailininkas
Rokas Gelažius**

**Redaktorė
Donata Mitaitė**

**Knygos leidimą parėmė
Mokslo ir Studijų fondas**

© Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1999

© Rokas Gelažius, 1999

ISBN 9986-513-70-7

TURINYS

Pratarinė	7
<i>Viktorija Daujotytė</i>	8
Jurgis Baltrušaitis – metafizinis poetas	8
<i>Dalia Čiočytė</i>	22
Žmogiškosios būties dramtizmas ir jo krantai Jurgio Baltrušaičio meditacinėje lyrikoje	22
<i>Николай Богомолов</i>	31
Глава из истории символистской печати: альманах „Цветник Ор“	31
<i>Bronius Vaškelis</i>	56
Jurgis Baltrušaitis – žmogus ir poetas	56
<i>Николай Котрелёв</i>	73
Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. – Манифест московского „Lo Studio Italiano“, составленный Юргисом Балтрушайтисом	73
<i>Ramutis Karmalavičius</i>	99
Apie kai kuriuos priekaištus/pagyrimus „niūriajam Jurgiui“	99
<i>Galicza György</i>	111
Звук и тишина в поэзии Юргиса Балтрушайтиса	111
<i>Silvestras Gaižiūnas</i>	117
Jurgis Baltrušaitis ir Skandinavija	117
<i>Людмила Спроге</i>	124
Юргис Балтрушайтис – адресат лирических посланий К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова	124
<i>Juozas Laurušas</i>	134
Vieno laiško komentarai	134
<i>Česlovas Laurinavičius</i>	139
Jurgis Baltrušaitis – vilties diplomatas	139